

Тютчев Федор Иванович

**Полное собрание
стихотворений Ф. И. Тютчев**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Ф33

Ф33 **Федор Иванович Т.**
Полное собрание стихотворений Ф. И. Тютчев / Тютчев Федор Иванович –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 421 с.

ISBN 978-5-519-78115-2

ISBN 978-5-519-78115-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Ф. И. ТЮТЧЕВ
ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ

РЕДАКЦИЯ
КОММЕНТАРИИ
ГЕОРГИЯ ЧУЛКОВА

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ
СТАТЬЯ
Д. Д. БЛАГОГО

А С А Д Е М І А

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1 9 8 8

***Суперобложка, переплет и титул
по рисункам Д. И. Митрохина***

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ТЮТЧЕВА

Жизнь поэта Федора Ивановича Тютчева охватывает все первое семидесятилетие XIX века. Началом своим она упирается в XVIII век, в события Великой французской революции, концом заходит за дату рождения Ленина. Эпоха Наполеоновских войн и национальных движений, «нашествие французов» в 1812 году, Венский конгресс и Священный Союз, восстание декабристов, французская революция 1830 года, оба польских восстания, европейские революционные взрывы 1848 года, заговор петрашевцев, Николаевская реакция, Крымская кампания и падение Севастополя, «освобождение крестьян» и так называемые «великие реформы» 60-х годов, выстрел Каракозова, победоносная борьба Италии с Австрией и ликвидация светской власти пап, франко-прусская война, разгром Франции и создание Германской империи, Парижская Коммуна—вот важнейшие политические события русской и европейской истории, современником и взволнованным свидетелем которых был Тютчев.

Либерализм первой половины 20-х годов, споры славянофилов и западников, критико-публицистическая деятельность Белинского, Герцен, шестидесятники, народничество—такое разнообразное содержание русской общественной жизни, смена идеологий, последовательно развертывавшихся перед внимательным, реже сочув-

ственным, чаще неблудующим взором поэта. Не менее широк размах современной Тютчеву русской литературной жизни. Заставший в живых Державина, Хераскова, Карамзина, переживший не только Пушкина, Лермонтова, Гоголя, но и Некрасова, Тютчев умер в год рождения Валерия Брюсова. Выход в свет «Руслана и Людмилы», первых глав «Евгения Онегина» был для него таким же злободневным литературным событием, как появление «Преступления и наказания», романа «Что делать», «Войны и мира».

Вся эта насыщенность, многообразие и пестрота явлений общественной и литературной жизни России в конечном счете обуславливались единым социально-экономическим процессом—ростом и развитием на русской почве промышленного капитализма. В классовом строе страны этому соответствовало, с одной стороны, постепенное оттеснение дворянства усиливающейся торговой и промышленной буржуазией, с другой — капитализация, обуржуазивание самого дворянства.

Тютчев—дворянин эпохи промышленной капитализации, эпохи установления в недрах старой полуфеодальной Российской империи новой буржуазной культуры. Однако, для полного и правильного понимания творчества Тютчева необходимо не только наполнить это родовое социологическое понятие видовым содержанием, но и взглянуть в индивидуальный вариант общеклассовой судьбы—познакомиться хотя бы в самых основных, самых крупных чертах с фактами жизни поэта.

1

Тютчев принадлежал к старинному и зажиточному дворянскому роду. Имя Тютчевых, начиная с XIV века, упоминается несколько раз в летописях. Однако, видной

общественно-политической роли представители рода Тютчевых не играли. Ближайшие предки поэта жили в своих дворянских поместьях властными и суровыми феодалами, отличаясь, по отзыву современников, «разгулом и произволом, доходившими до неистовства».

Совсем иного склада был отец поэта — вскормленник не «классической» поры крепостничества, а эпохи *fin de siècle*'я — более мягкой, подернутой первыми сумеречными тенями сентиментально-карамзинской культуры. Тихая жизнь на лоне семьи, в стороне от «славы» и политики, почестей и чинов, «мирная» деревенская идиллия, которой «владельцы душ» пытались обмануть самих себя, закрыть от себя зияющие классовые противоречия крепостного строя, столь громко сказавшиеся во время пугачевщины, — таковы были «идеалы» помещного дворянства «конца века», нашедшие свое наиболее полное выражение в личности и литературной деятельности Карамзина. Тютчев-отец был всецело во власти этих идеалов. Дослужившись в гвардии до сравнительно небольшого чина поручика, он, на двадцать втором году жизни, женился на родовой Е. Л. Толстой и вышел в отставку. «Затем, — по словам биографа, — Тютчевы поселились в орловской деревне (селе Овстуге; — здесь 5 декабря нов. ст. 1803 г. и родился будущий поэт), на зиму переезжали в Москву, где имели собственные дома и подмосковную — одним словом, зажили тем известным образом жизни, которым жилось тогда привольно и мирно почти всему русскому зажиточному досужему дворянству, не принадлежавшему к чиновной аристократии и не озабоченному государственной службою» (И. С. Аксаков. «Биография Ф. И. Тютчева», М. 1886 г.).

Архаическая экономика семьи Тютчевых, входившей в состав того поместно-дворянского слоя, который стоял

в стороне от общего экономического развития, мирно «по старинке» проживая свои крепостные доходы (Тютчев-отец был чужд какому бы то ни было помещичьему предпринимательству: хозяйство в Овстуге велось на основе «барщины старинной»), обуславливала архаичность ее идеологии и особую старозаветность, «патриархальность» быта. Одним из главных устоев этого быта была религия. В доме родителей поэта, по его собственному свидетельству, господствовало «самое строгое православие», церковно-славянский язык которого, правда, причудливо сочетался в семейном быту с неизбежной французской речью. Другим устоем была крепкая семейная спайка Тютчевых, бывших для современников живым воплощением «семейственного счастья», уюта и патриархальной «простоты». Свет «неугасимой лампадки», баюство матери и бабки, знатной графини Остерман, «ласковая журьба» старика-дядьки, вольноотпущенника из крепостных, которого соединяла с его питомцем самая трогательная взаимная приязнь (старик впоследствии добровольно поехал вместе с ним в Германию; расставаясь с ним после его женитьбы, благословил его образом, на котором написал: «В память моеї искренней любви и усердия к моему другу Федору Ивановичу Тютчеву») — были первыми впечатлениями будущего поэта.

Усадебный, патриархально-дворянский мир, вековой неподвижный стародворянский уклад — «предание и обычай» — такова была та социальная атмосфера, в которой проходило детство и отрочество Тютчева.

Надежного охранителя старых устоев родители Тютчева нашли в лице воспитателя их Фединьки, стихотворца и переводчика латинских и староитальянских поэтов, С. Е. Раича. Происходивший из духовного звания, брат киевского митрополита Филарета, Раич был в литературной современности первой половины XIX

столетия типичным «обломком» архаического XVIII века. «Пюрист» — поборник «высоких» традиций классической школы, Раич отрицательно относился к Пушкину, унизившему, по его мнению, эти традиции. Брать гонорар за свое поэтическое творчество почитал святотатством. «Вдохновение не продается» — негодуяще воскликнул он в ответ на предложение известного книгопродавца и издателя Смирдина оплатить его стихи. Под руководством Раича, прожившего в доме Тютчевых в течение семи лет, Феденька Тютчев превосходно овладел латинскими классиками, под его же влиянием начал писать стихи. Одно из стихотворений своего питомца — подражание Горацию «Вельможа» — Раич счел возможным представить в «Общество любителей российской словесности», бывшее в то время одним из очагов старых «классических» традиций. Четырнадцатилетний поэт был избран в число сотрудников Общества, одновременно, кстати сказать, с его наставником, который был старше его больше чем на десять лет. Через год Тютчевский перевод «Послания Горация к Мединату» был напечатан в «Трудах» Общества.

На ряду с господством старого, в архаическую семью Тютчевых просачивались и некоторые новые веянья. Родители Тютчева сочли нужным не ограничиваться во воспитании сына домашним образованием. Пятнадцати лет Тютчев поступил на словесное отделение Московского университета. Но и университет, переживавший в то время, по свидетельству современника, «патриархальную» пору своего существования, носил подчеркнуто классовый характер. Дети из состоятельных дворянских семей, приезжавшие на лекции в сопровождении своих гувернеров, не смешивались с относительно малочисленными представителями «низших сословий». Тютчев, правда, близко сошелся в универ-

ситете с разночинцем Погодиным (типичный «барич» Тютчев, несмотря на свои исключительно блестящие способности, в университете поленивался, трудолюбивый Погодин выручал его—например, во время экзаменов писал за него ответы по истории Востока). Но сын крепостного домоправителя гр.Салтыкова, живший в свои студенческие годы в качестве воспитателя в семье кн. Трубецких, Погодин был сам всецело под влиянием сословно-дворянской культуры.

В литературном отношении Погодин был горячим приверженцем своего университетского учителя, профессора Мерзлякова, являвшегося одним из главных столпов классицизма. С рук на руки Мерзлякову и сдал своего воспитанника Ранч. Правда, и авторитет Мерзлякова не мог помешать проникновению в среду университетской молодежи новых литературных течений. Тютчев начал интересоваться Шиллером и немецкой литературой вообще, увлекался Руссо. К этому же времени относятся встречи его с Жуковским. Однако, его собственное поэтическое творчество продолжает протекать в русле старой классической традиции (ода «Урания», 1820 г.).

Университет был окном, распахнувшимся из архаического барского особняка Тютчевых, но распахнулось это окно на улицы той же патриархальной, стародворянской Москвы.

Резкий разрыв Тютчева с патриархальным стародворянским укладом произошел несколько позднее. Вскоре по окончании университета, в 1822 году, поэт уехал в Германию, служить при русской дипломатической миссии в столице Баварии, Мюнхене. За границей, главным образом в Мюнхене, за исключением немногочисленных приездов на короткое время в отпуск в Россию, Тютчев провел целых *двадцать два года*. Здесь, по его соб-

ственным словам, по-настоящему «началась» его жизнь, здесь он развился и созрел, как человек и поэт.

Бавария эпохи 20-х годов прошлого века была одним из наиболее развитых политически государств Германии. Мюнхен был одним из самых оживленных политических и культурных европейских центров. Деятельность конституционного короля-романтика Людвига I направлялась стремлением превратить старинный город средневековой Германской империи в немецкие «Афины» новой буржуазной Европы. Вместе с тем Мюнхен был одним из наиболее ярких очагов шеллингианства и немецкого романтизма вообще.

Мы упомянули о некоторых слабых воздействиях, которые испытывал со стороны новосгладывающейся буржуазной культуры Тютчев уже в России (университет, влияние новых философских и литературных течений и т. п.). Те социально-экономические процессы, которые только начинались в России и обуславливали возможность этих воздействий, в европейской действительности развернулись пышно и цветом. Европейские впечатления оказались могучим толчком, который властно и неудержимо вовлекал поэта в русло новых буржуазных идеологий.

Из феодально-усадебной орловской глуши, из старозаветного барского особняка патриархальной грибоедовской Москвы Тютчев попал в кипучий котел новой буржуазно-капиталистической цивилизации, из глухого «средневековья», «византийско-русского мира» (определение самим Тютчевым стародворянского быта его родительского дома) — в бурный и стремительный «языческий» ренессанс.

Правда, и в Мюнхене, в силу своего служебного положения, равным образом как по возникшим вскоре родственным отношениям (женитьба в 1826 г. на предста-

вительнице старейшей баварской аристократии, урожденной гр. Ботмер), Тютчев оказался в классово-родственной ему придворно-дворянской среде. Недаром его университетский товарищ, уже упоминавшийся нами разночинец Погодин, встретившись с поэтом, приехавшим в 1825 г. в отпуск в Москву, с неодобрением отметил, что он «пахнет двором». А другой разночинец, талантливый юноша Рожалин, рассказывая о парадном обеде у Тютчева в Мюнхене, с горечью прибавлял «Тут он был русским дворянином и русским министром я—русским нищим».

Однако, светско-придворная сторона жизни Тютчева была только одной, и в значительной степени внешней, казовой стороной его мюнхенского социального бытия. «Русским министром», т. е. послом, он отнюдь не был, а занимал скромную должность всего лишь второго секретаря при посольстве (с 1828 г.; до того в течение пяти лет занимал должность сверхштатного чиновника при русской миссии). Служебная карьера Тютчева вообще не ладилась. Дитя «беспечности» и «лени» — качества, которые Аксаков справедливо ставит в связь с усадебно-патриархальной обстановкой детства Тютчева и полной обеспеченностью его в родительском доме, — порт, по его собственному признанию, «не умел служить». Несмотря на покровительство своего непосредственного начальства — русских посланников в Мюнхене — движение его по службе совершалось довольно медленно, его обходили при новых назначениях и т. п. Еще хуже обстояли в Мюнхене материальные дела Тютчева. Незначительного жалованья, им получаемого (до 1833 г. — 800 р., с 1833 г. — 1000 р. в год), плюс сравнительно небольшая сумма, присылаемая ему родителями (по 6000 р. ассигнациями ежегодно; при переводе на иностранный курс это выходило совсем немного), поэту безу-